

Анатолий
Васильевич
Луначарский

ОТ СПИНОЗЫ ДО МАРКСА

Москва
Т8 RUGRAM
2019

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Λ84

Луначарский, А.В.

Λ84 От Спинозы до Маркса / А.В. Луначарский. — М. : Т8 RUGRAM, 2019. — 162 с. — (Навстречу революции).

ISBN 978-5-521-78151-5

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский проект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об общественном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимости — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «Навстречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78151-5

©Т8 RUGRAM, оформление 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
НОВЕЙШАЯ ФИЛОСОФИЯ	9
Общая характеристика	9
ПАНТЕИЗМ	17
Спиноза	17
Спинозисты	27
 ИДЕАЛИЗМ	 36
Кант	36
Учение Канта о божестве	42
Фихте	46
Шеллинг	56
Гегель	61
Деизм	68
Материалисты	73
Маркс и Энгельс	
о французском материализме XVIII века	84
Фейербах	92
Утопический социализм	99
НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ	115
Маркс	115
Энгельс	139

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148
Дицген.....	148
ПРИМЕЧАНИЯ	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люди делятся и, вероятно, еще долго будут делиться на два типа: тип по преимуществу рационалистический и тип по преимуществу эмоциональный. Нельзя представить себе ничего бесплоднее споров о преимуществе того или другого типа, так как здесь вряд ли возможна объективная точка зрения. Развитой, высоко сознательный рационалист стремится внести порядок в свое мирозерцание, в свой идейный мир и чрезвычайно мало заботится о том, какие мотивы чувственного, волевого характера толкают его на тот или другой социальный, «альтруистический» поступок. Мы ни на минуту не отрицаем за рационалистом возможности даже истинно героического поведения, но редко можно без улыбки относиться к попыткам людей этого типа построить свою этику. Со своеобразно трогательным отвращением ко всякой помпе и «фразам» рационалист придумывает что-нибудь вроде курьезнейшей теории «эгоизма» нашего Чернышевского и старается уложить свое пламенное сердце в перенумерованные ящички деловой конторки какого-нибудь Бентама; чаще же рационалист просто сердится, когда с ним заговаривают о чувствах: это для него праздная эстетика, фразистика, сентиментальничанье; это, наконец, отвратительная рефлексия, совершенно ненужная здоровому человеку. Рационалист переходит в наступление; он заявляет, что человека толкает необходимость, что рассуждения о чувстве показывают его слабость, что восторги

перед идеалом, стремления «взвинтить» чувства священными словами и тирадами о «всем высоком, о всем прекрасном» свидетельствуют лишь о внутренней неуверенности в своих чувствах столь заботливого о них субъекта: «Друг мой, Аркадий, не говори красиво!» — насмешливо восклицает рационалист.

Для типа эмоционального все это представляется своеобразным «идиотизмом», своеобразной анестезией одной стороны духовной жизни. Для развитого и сознательного эмоционалиста (да простится мне этот термин) непонятно, во-первых, как можно, стремясь пролить свет сознания на все части мира, останавливаться внезапно перед задачей постичь игру человеческих чувств и импульсов и заявлять, что проникновение того же света в эту область есть ненужная и чуть ли не презренная рефлексия? Между тем уже простое признание необходимости осознать эту игру чувств и импульсов приводит нас к колоссальной задаче всестороннего выяснения места и роли идеала в жизни. Рационалист невольно избегает прямой постановки этого вопроса или разрешает его уклончиво, если у него нет решимости разрешить его просто отрицательно, потому что он чувствует, что с высоты этого вопроса весь рационально осознанный им внешний мир предстанет ему в новом освещении, что многое, казавшееся прочным, начнет колебаться, казавшееся ясным — подергиваться туманом. Но эмоционалист не может понять, во-вторых, как возможно считать прочной постройку объективного мирозерцания, если она не опирается на более или менее законченную мирооценку, возведение каковой возможно лишь на фундаменте глубокого исследования непосредственного, прямо во внутреннем опыте данного, чувственно-волевого порядка явлений. Если мы хотим иметь законченное человеческое мирозерцание, то человек, как существо оценивающее, должен сказать здесь свое слово. И что же делать, если при этом вряд ли

можно придерживаться однотонной, научно-серой или нарочито деловой терминологии.

Красивые слова, красивые фразы! — восклицают рационалисты. Но красота, право, не порок. Конечно, в красоте есть своя опасность: она может подкупить своей внешней прелестью и заставить на минуту обольщенного строгого рационалиста простить ей пустоту, а то и мутное содержание, отлитое в прекрасную форму. Не смутное ли ощущение этой опасности заставляет иногда сурового прозаика протестовать против красивых слов и фраз? Но ведь надо же различать! Можно прикрыть пустоту блеском стиля, можно подсластить виртуозностью исполнения какое-нибудь кисленькое идейное месиво. Но в этих случаях заемная красота спадает и осыпается при первом взгляде мало-мальски трезвой критики. Другое дело та красота, которая порождена энтузиазмом, тот невольный повышенный тон, те для самого автора неожиданные яркие образы, то непосредственно увлекательное движение слога, то естественное стремление выразить соответственно высокими словами мысли и чувства, пронсящиеся в сознании и внушающие свидетелю их торжественного шествия восхищенное уважение, которое характеризует неподдельный полет фантазии. Взволнованный эмоционалист, проникая в область своих чувств, а в особенности и в неизмеримо большей степени при соприкосновении своей психики с чувством коллективным, с грандиозным, столь родным, столь по самой сущности волнующим океаном переживаний народов, поколений, классов, — чувствует себя настолько потрясенным и приподнятым, что ему совершенно невозможно сохранить хладнокровие. Да и надо ли это? В этой области сила симпатии часто может сыграть роль, какую острая наблюдательность играет в области исследования внешних явлений.

Но рационалист всегда будет пожимать плечами, слушая или читая эмоционалиста. Вся эта музыка чувства плохо ему доступна. Вероятно, к выгоде для развития других психических сил. Нам кажется, однако, что, если существуют эмоционалисты, с глубочайшим уважением относящиеся к работе разума, то они в праве («платонически» по крайней мере!) требовать хотя бы приблизительно такого же уважения и к своей работе. Ибо в своей мере они несомненно способствуют грядущему великому синтезу.

Эта книга имеет своей целью подойти к марксизму и его предшественникам не только с точки зрения мыслей, заключающихся в этих системах, но и с точки зрения выражаемых и возбуждаемых ими чувств.

НОВЕЙШАЯ ФИЛОСОФИЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Философия Нового времени представляет из себя не только умствования на данные положительной религией той или другой церкви темы, к чему в Средние века почти без остатка сводилось дело, а подлинное искание нового мирозерцания, творчество новых философских систем. Правда, большинство великих философов XVII, XVIII и начала XIX века не отрицали христианства, а якобы старались дать ему лишь новое толкование; но от этих толкований христианству не могло поздоровиться, и мы видим здесь скорее явление, подобное «двойной бухгалтерии» свободомыслящих схоластов. Новыми философскими системами были философские учения Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте, Гегеля; учения Гольбаха, Дидро, Фейербаха были новыми целостными мирозерцаниями, начисто отрицавшими всякую религиозность. Марксизм, как философия, является последней, глубоко критической, и вместе синтетической системой.

Разница между старыми положительными религиями и того же типа философскими системами формально заключается

прежде всего в том, что старые религии выдвигали как основу свою — откровение, таинственную, иррациональную догму, устанавливали в лице духовенства класс посредников между богом и людьми, стремились создать застывшую и иерархически построенную церковь. Философские же системы Нового времени признают себя плодом усилий человеческого разума, догматические претензии отсекаются уже этим. Миросозерцания очищаются от убивавшего всякую критику суеверия о божьем самооткровении. Бог не являлся больше автором книг. Все в новых системах — человеческое, все подлежит критике. По внутреннему же своему содержанию цепь философских систем представляет из себя постепенное очищение человеческого миросозерцания и мирочувствования от элементов мистических и метафизических. Вопрос о личности, виде и космосе, о жизни и стихиях ставится на все более реальную почву, бог умалется, за его счет растет сначала мир, а потом человек. Все ярче пробивается чувство человеческой свободы, все яснее понимают причины человеческого рабства, прекращается зависимость от фантомов, и постепенно уменьшается зависимость от природы и орудий производства, навязывающих человеку мучительный общественный строй. Рост веры в прогресс и чувство ценности прогресса, как такового, — также важные характерные черты новой философии.

Ни одна религия, самая фантастическая и мистическая, не может оторваться от экономики. Не только в том смысле, что она дочь данного экономического быта, данных внутренне противоречивых условий и отношений, но и в том смысле, что вся ее система обетования, чаяния и оценки связана именно с экономикой. Они трактуют вопросы справедливости и счастья, регресса и прогресса, а это все, в конце концов, экономические термины.